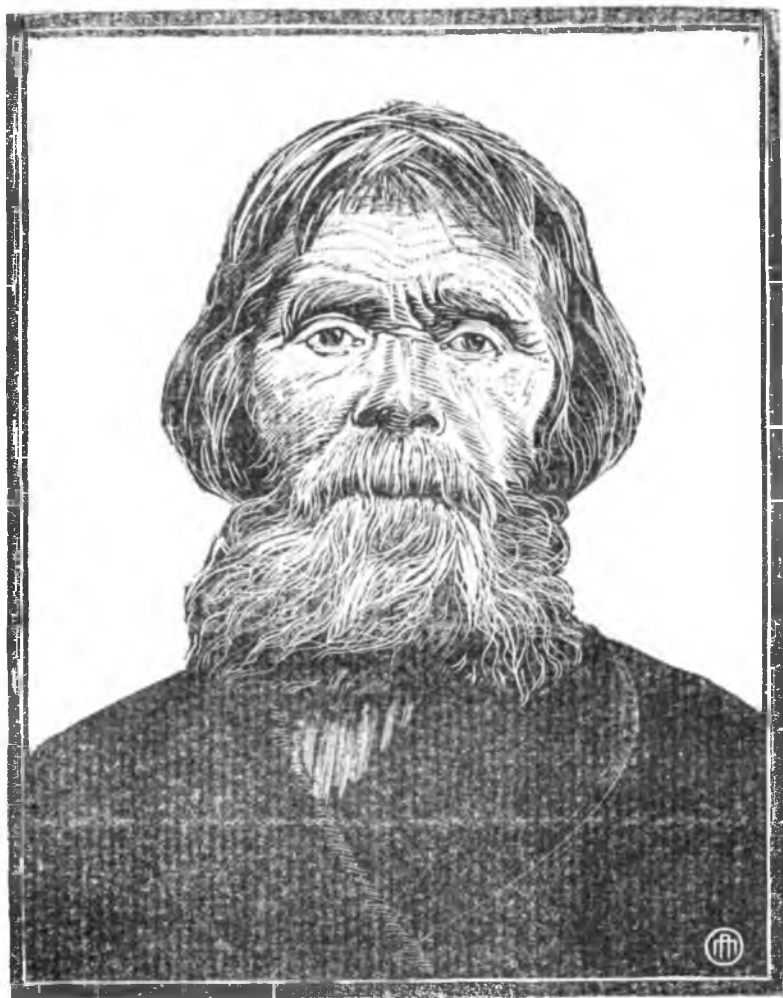

1. ТРОФИМЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РЯБЕНИНЪ

Трофимъ Григорьевичъ
РЯБИНИНЪ

Рябининъ, Трофимъ Григорьевичъ, принадлежалъ къ числу наиболѣе выдающихся сказителей Олонецкаго края, какъ по богатству своего былиннаго репертуара, такъ и по мастерству исполненія; интересенъ онъ и потому, что на его примѣрѣ отчетливо выясняется на значительномъ протяженіи времени та пѣвческая традиція, которая донесла до насъ старую былевую пѣсню.

Внѣшняя его біографія не сложна: родился онъ въ концѣ XVIII ст. въ дер. Гарницахъ, Сѣнногубскаго погоста, сосѣдняго съ Кижскимъ (въ 1870 году, когда съ нимъ познакомился А. Θ. Гильфердингъ, ему было 78 лѣтъ), рано лишился отца и матери, взятъ былъ на воспитаніе „міромъ“. Подросткомъ онъ сталъ ходить по окрестнымъ деревнямъ, зарабатывая пропитаніе починкой сѣтей, ловушекъ и другихъ рыболовныхъ принадлежностей; во время этихъ странствій познакомился онъ со старикомъ Ильей Елустафьевымъ, занимавшимся тѣмъ же промысломъ (этотъ Илья, по словамъ Т. Г. Рябинина, умеръ въ 30-хъ годахъ девяности лѣтъ отъ роду, т.-е., родился приблизительно въ первой половинѣ XVIII ст., стало быть, могъ быть пѣвцомъ, знавшимъ традицію середины этого вѣка); онъ и положилъ, повидимому, начало пѣвческой дѣятельности Рябинина: по словамъ послѣдняго, Илья зналъ много былинъ, охотно пѣлъ ихъ за работой, и Рябининъ многое отъ него „понялъ“. Въ 1812 году Т. Г. Р-нъ поступилъ въ работники къ своему дядѣ Игнатію Иванову Андреевыхъ, который считался лучшимъ пѣвцомъ во всемъ краѣ; тутъ же, въ дер. Гарницахъ, жилъ Василій Софроновъ Сарафановъ (отецъ того пѣвца, отъ котораго записывалъ Гильфердингъ), также большой мастеръ по части былинъ; отъ него, какъ и отъ дяди, получалъ былины Т. Г. Р-нъ; кромѣ нихъ, онъ вспоминалъ въ качествѣ людей, обогатившихъ его репертуаръ, еще Ивана

Агапитовича Завьялова, умершаго еще въ началѣ XIX вѣка, Ивана Кокойкина (этотъ умеръ, по словамъ Рябинина, чуть не 100 лѣтъ), Ѳедора Трепалина. Двадцати четырехъ лѣтъ (т.-е. приблизительно въ 1822—3 г.г.) Т. Г. Р-нъ женился и изъ Гарницы окончательно переселился въ дер. Середку (Кижской волости), гдѣ и зажилъ своимъ хозяйствомъ, главнымъ образомъ рыболовствомъ, отчасти земледѣльствомъ, достигъ здѣсь положенія обезпеченнаго, исправнаго, хотя и не очень зажиточнаго человѣка. Изъ двухъ оставшихся у него сыновей (двое старшихъ умерли на военной службѣ), жившихъ при отцѣ, одинъ—Иванъ—особенно пристрастился къ пѣнію былинь, хотя и другой также кое-что „понялъ“ отъ отца. Изъ этихъ данныхъ біографіи Т. Г. Рябинина можно сдѣлать слѣдующіе выводы: при началѣ своей пѣвческой дѣятельности (судя по сказанному, она началась до 1812 г., когда онъ еще ходилъ съ Ильей Елустафьевымъ по заработкамъ) онъ засталъ былинную традицію середины, по крайней мѣрѣ, второй половины XVIII вѣка (т. е., времени, когда составилъ и сборникъ Кирши Данилова); все время до начала 30-хъ годовъ онъ вращался въ средѣ пѣвцовъ, по большей части выдающихся, и въ то же время также представителей традиціи того же XVIII вѣка. На основаніи всего этого можно Т. Г. Р-на считать представителемъ традиціи, притомъ хорошей, XVIII вѣка—въ XIX-мъ; видимо, „школа“, которую прошелъ Рябининъ, была въ общемъ изъ выдающихся: онъ изъ нея вышелъ замѣчательнымъ мастеромъ своего дѣла: П. Н. Рыбниковъ, записывавшій отъ него въ 1860-мъ году, такъ характеризуетъ его манеру: „напѣвъ былины (рѣчь идетъ о былинѣ про Хотена Блудовича) довольно однообразенъ, голосъ не очень звонокъ. Рябинину въ это время было уже подъ 70 лѣтъ; но удивительное умѣніе сказывать придавало особенное значеніе каждому стиху; каждый предметъ у него выступалъ въ настоящемъ свѣтѣ, каждое слово получало свое значеніе“ (т. I, стр. LXXVI). И въ отношеніи къ богатству былевого матеріала памятливый Рябининъ усердно использовалъ своихъ учителей: судя по записямъ П. Н. Рыбникова и

А. Θ. Гильфердинга, репертуаръ Рябинина состоялъ изъ 26 отдѣльныхъ былинъ и ихъ отрывковъ, обнималъ собою (если перевести его на стихотворныя строки) отъ пяти слишкомъ до шести слишкомъ тысячъ стиховъ. Вотъ его былинный репертуаръ :

1. Самсонъ богатырь (вариантъ къ былинѣ о Святогорѣ; ср. II, 98) 123 и „разсказъ“.

2. Святогоръ (ср. ниже, стр. 110) 23 и „разск.“—.

3. Волга и Микула (отъ Игнатія; II, 7) 166 184.

4. Илья и Соловей (отъ Игнатія; I, 137) 233 272. Текстъ Т. Г. Рябинина.

5. Илья и дочь (отъ Игнатія; вариантъ къ „Ильѣ и Соколынику“) 326 353.

6. Илья и Идолище (I, 172) 85 122.

7. Илья и Калинъ (I, 154) 289 616. Текстъ Т. Г. Рябинина.

8. Добрыня и Василій Казимировъ (отъ Завьялова; I, 43) 926 1023.

9. Дунай—сватъ (отъ Игнатія; I, 29) 297 453.

10. Иванъ Годиновичъ (отъ Трепалина; II, 205) 126 187.

11. Михайло Потыкъ (отъ Игнатія; I, 289) 23 57. Только начало: остального не помнилъ.

12. Михайло Потыкъ (варьянтъ предыдущаго) 187—.

¹ Репертуаръ этотъ составленъ путемъ объединенія записей Рыбникова и Гильфердинга; при каждой былинѣ указывается: а) отъ кого Рябининъ получилъ ее, если это было сообщено пѣвцомъ и отмѣчено собирателемъ; б) текстъ былинныя соотвѣствующаго содержанія въ настоящемъ изданіи (томъ и страница), при чемъ отмѣчается особо, если сюда принять текстъ именно Рябинина; в) наконецъ приводится цифра стиховъ каждой былинны по записи Рыбникова и Гильфердинга, при чемъ знакомъ:—, обозначается, что та или иная былина не была записана тѣмъ или другимъ собирателемъ. Подсчитавши по стихамъ записи Рыбникова и присоединивъ къ нимъ цифру стиховъ былинъ, не вошедшихъ въ его запись, изъ записи Гильфердинга, получимъ въ общей сложности 5216 стиховъ; а подсчитавши тѣмъ же путемъ записи Гильфердинга, получимъ 6333 стиха, т.-е., приблизительную, приведенную выше, общую цифру.

13. Сорокъ каликъ (II, 56) 24 61. Только начало: остальное забылъ.
14. Ставръ Годиновичъ (II, 148) 122—.
15. Хотень Блудовичъ (II, 164) 165 182.
16. Дюкъ Степановичъ (отъ Кокойкина; I, 266) 452 567.
17. Василий Буслаевъ (II, 75) 90—.
18. Садко (II, 27) 39—. Только начало: остального не помнилъ.
19. Иванъ Грозный и сынъ (II, 376) 228—.
20. Скопинъ Шуйскій (отъ Игнатія; II, 414) 62 69. Конца не могъ спѣть.
21. Королевици изъ Крякова (отъ Игнатія) 320 306.
22. Горюшко 273 266.
23. Ссора Ильи съ Владимиромъ (I, 181)—.122.
24. Добрыня и Марина (I, 38)—.101.
25. Добрыня и змѣй (отъ Завьялова; I, 15)—.469.
26. Молодецъ и худая жена—.111.

Сверхъ того, Рябининъ помнилъ содержаніе, но былины не пѣлъ, о Рахтѣ Рагнозерскомъ (ср. II, 183). Приведенный репертуаръ Т. Г. Р-на интересенъ, помимо своей обширности, еще тѣмъ, что въ немъ обращаютъ на себя вниманіе различныя цифры стиховъ одной и той же былины въ различное время ихъ исполненія: былина имъ короче излагалась, когда онъ ее пѣлъ II. Н. Рыбникову (1860 г.), нежели десять лѣтъ спустя, когда ее записывалъ отъ него А. Θ. Гильфердингъ. Фактическое содержаніе былинь остается въ томъ и другомъ случаѣ однимъ и тѣмъ же: слѣдовательно, разница падаетъ, прежде всего, на обработку сюжета при помощи тѣхъ общихъ, „типичныхъ“ мѣстъ, о которыхъ говорилось раньше. Въ самомъ дѣлѣ, простое сопоставленіе другъ съ другомъ по записямъ Гильфердинга и Рыбникова, напр., былины о Вольгѣ и Микулѣ (у Г. № 73, у Р. № 3) показываетъ, что разница, прежде всего, заключается въ томъ, что въ одномъ случаѣ пѣвецъ пропустилъ общее типическое мѣсто, въ другомъ—добавилъ такое же мѣсто, въ одномъ—даетъ повтореніе, въ другомъ—обходится безъ него, наконецъ, одно типическое мѣсто замѣнилъ другимъ; такъ:

Гильфердингу Рябининъ пѣлъ:

Жилъ Святославъ девятисто лѣтъ, ¹
Жилъ Святославъ да переставился.
Оставалось отъ него чадо милое
Молодой Вольга Святославговичъ.

Быль у него родной дядюшка, ¹⁶
Славный князь Владимиръ стольно-
киевской;

Жаловалъ его трема городама, все
крестьянами

Ѣхалъ Вольга онъ до ратоя, ³¹
День съ утра Ѣхалъ до вечера,
Да не могъ ратоя въ полѣ наѣхати.
А ореть-то въ поли ратой, пону-

киваетъ,
А у ратоя сошка поскрипываетъ,
Да по камешкамъ омешики про-

чиркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до пабѣдья,
Со своей со дружинишкой хороб-

рою,
Енъ наѣхалъ въ чистомъ поли ратоя.

Эготъ оратай оратаюшко ⁸⁰
Гужики съ сошки онъ повыстенулъ
Да кобылку изъ сошки повывер-

нулъ,
А со тою онъ сошки со кленовнѣй-

кой,
А ѡ оставилъ онъ гуть сошку кле-

повую,
Онъ садился на кобылку соловеньку;
Они сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
По славному раздолъицу чисту полю.
Говорилъ оратай таковы слова.

Они сошку съ земельки повыдер-
путь, ⁹³
Изъ омешиковъ земельку новытрях-

нутъ,

Рыбникову же пѣлъ такъ:

Когда возсіяло солнце красное
На это пебушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославговичъ.

Жаловалъ его родный дядюшка,
Ласковый Владимиръ стольнокиев-
скій

Тремя городами со крестьянами

Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со своєю дружинишкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омешики по камешкамъ почерки-

ваютъ.

Ѣхалъ Вольга еще третій день,
Третій день съ утра до пабѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая.

Эготъ оратай оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстенулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Спаялъ онъ хомутики съ кобылушки,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говорилъ оратай таковы слова.

Сколпнуть омешики булатнии,
А и печимъ мѣъ буде крестьян-

ствовати.

Изъ сошки оменики новыколнуть,
Мнѣ нечѣмъ будетъ молодцу кре-
стьянствовати.

.....
Молодой Вольга Святославговичъ ¹⁰¹
Посылаетъ тутъ два да три доб-
рыхъ молодца
Со своей съ дружинушки хороб-
роей
Да къ этой ко сошкѣ кленовсень-
кой,
Чтобы сошку съ земельки повы-
дернули.

Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки
хоробрыя
Пять молодцевъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повы-
дернули.

.....

Если мы возьмемъ для сравненія еще былинѹ о сорока кали-
кахъ (Г. № 86, у Р. № 13), изъ которой Рябининъ помнилъ
только отрывки, то получимъ еще болѣе наглядный примѣръ
обращенія его съ текстомъ: онъ почти механически относится
къ нему; вотъ этотъ отрывокъ:

У Гильфердинга.

Да ѣ ходили-то калѣки перехожіи,
А ѣ лапотики на ножкахъ-то шел-
ковеньки,
Ѣ у нихъ подсумки-ты сшиты съ
черна бархату,
Да во нихъ рукахъ-то клюхи кости
рыбью,
На головушкахъ-то шляпки земли
греческой.
Да ѣ ходили молодцы они съ земли
въ землю,
Загуляли молодцы да къ королю
въ Литву,
Ко тому-то зашли къ королю къ
литовскому,
Заходили къ королю да ѣ на ши-
рокой дворъ,
Становились молодцы да ѣ посе-
редъ двора,
Супротивъ окошечка косявчата,
Попросили-то у короля милостинки,

У Рыбникова.

Ходили калики перехожіе изъ орды
въ орду,
Сорокъ каликъ со каликою.
Лапотики на ножикахъ у нихъ бы-
ли шелковые,
Подсумочки сшиты черна бархата,
Во рукахъ были клюхи кости рыбь-
ея,
На головушкахъ были шляпки зе-
мли греческой.
Приходили оны въ хоробру Литву,
Ко тому королю литовскому на
широкій дворъ,
Становились подъ косявчато око-
шечко
И попросили-то они милостины:
„Ай же ты король литовскій!
„Сотвори-тко намъ милостину, ка-
ликамъ перехожимъ.
„Не рублями мы беремъ и не пол-
тинами,

Да ѿ воскрякнули они да громкимъ
голосомъ.

Громкимъ голосомъ крыкнули во
всю голову:

„Ай же батюшко король литовски!

„Сотвори, король, да намъ мило-
стинку,

„А и тымъ калѣкамъ перехожимъ:

„Не рублямы мы беремъ да не
полтинкамы,

„А беремъ-то мы цѣлыма тысящмы“.

А ѿ отъ нихъ-то покрывовъ отъ
богатырскіихъ,

Да ѿ отъ голосовъ отъ нихъ отъ
молодецкіихъ,

А на теремахъ-то маковки покри-
вились,

А ѿ въ окошечкахъ околени раз-
сыпались.

Поглянулъ король въ косявчато
окошечко,

Говорилъ король-отъ таковы слова:

— Ай же вы мои слуги вѣрныи!

— Да ѿ подите-тко вы на мой на
широкъ на дворъ,

— Не калѣки-то пришли не пере-
хожѣи,

— Да пришли богатыря къ намъ
святорусскіи.

„Беремъ-то мы цѣлыма тысящмы“.

Отъ ихъ отъ покрывовъ богатыр-
скіихъ

Околени во теремахъ поразсыпа-
лись,

Маковки во теремахъ покривились.

Король вводилъ ихъ во палаты
бѣлокаменны,

Кормилъ онъ ихъ ѣствушкой са-
харнею

И поилъ ихъ питьемъ медвяны-
имъ,

И дарилъ имъ дары драгоцѣнныя.

Говорилъ король таковы слова:

„Не калики есте перехожѣи,

„Есть вы русскіе могучіе богатыри“.

То, что въ текстѣ Рыбникова говорится объ угощеніи и о подаркахъ каликамъ, въ записи Гильфердинга (которая идетъ дальше: калики пообѣдали, поблагодарили и пошли въ Кіевъ), встрѣчаемъ истиннымъ въ рѣчь литовскаго короля, а затѣмъ въ видѣ повторенія и въ разсказѣ.

Но въ процессѣ передачи былиннаго текста проявлялъ иногда Т. Г. Рябининъ и больше творчества и самостоятельности, развивая не только стилистическую его сторону, но и самое содержаніе, хотя основную фабулу онъ сохранялъ неприкосновенной; образцомъ такой обработки сюжета можно счесть у него былинку объ Ильѣ и его дочери (у Г. № 77, у Р. № 5): не говоря

уже о пропускахъ и дополненіяхъ стилистическаго характера то въ той, то въ другой передачѣ, мы видимъ перестройку уже болѣе существенную. Такъ, въ текстѣ Рыбникова онъ детальнѣе дорисовываетъ образъ поленицы, дочери Ильи Муромца: послѣ словъ: „Она ѣхала, собака, насмѣялася, не сказала Божьей помочи богатырямъ“ (Р. стихи 15—16, Г. 17—18), находимъ:

Проѣхала въ раздольице въ чисто поле,
 Стала по соловьему посвистывать,
 И стала-то во всю голову покрикивать,
 Кличеть,—выкликаеть поединщика,
 Супротивъ себя да супротивника:
 „Ежели Владимиръ князь стольно-кіевскій
 „Не дастъ онъ мнѣ поединщика,
 „Супротивъ меня да супротивника,
 „Самого-то я Владимира подъ мечъ склоню,
 „Подъ мечъ склоню, да голову срублю,
 „Черныхъ мужичковъ-то всѣхъ повырублю,
 „Божьи церкви всѣ на дымъ спущу“.
 Стоять богатыри, пораздумались.

Вмѣсто этого въ записи Г. только одна строка: „Ена ѣдетъ прямоѣзжею дорожкой къ стольне-Кіеву“. Въ слѣдующей далѣе рѣчи Ильи къ богатырямъ, которая у Г. вся сведена къ шести строкамъ и содержитъ вызовъ, кому ѣхать перевѣдаться съ поленицею (стихи 21—26), найдемъ внесенными цѣлыхъ 20 стиховъ, гдѣ повторяется описаніе поленицы, сообщается о вызовѣ ея поединщика, но опущена угроза Владимиру и Кіеву. По Рыбникову, богатыри рѣшаютъ послать Алешу Поповича, по Гильфердингу, Алеша самъ вызывается:

Говорить-то тутъ Олешенька Григорьевичъ:
 — Я поѣду во раздольице чисто поле,
 -- Посмотрю на поляницу на удалую.—

И далѣе, обрисовка поленицы, ея поведенія продолжается у Г., но отсутствуетъ у Р.: Добрыня, также не рѣшившійся вступить въ бой съ поленицей, подробно докладываетъ богатырямъ о наружности ея, объ ея похвальбѣ и угрозахъ Кіеву и Владимиру. Въ этомъ же родѣ разработанъ текстъ и далѣе. Въ ре-

зультатъ выросъ и самый объемъ былины въ этой ея обработкѣ: при нѣкоторыхъ пропускахъ сравнительно со старшимъ нересказомъ (Рыбникову) она достигла свыше 350 стиховъ.

Наконецъ, допускалъ Т. Г. Рябининъ и еще болѣе рѣшительную работу творческаго характера надъ получаемыми имъ традиционными текстами былинь: онъ ихъ контаминировалъ, т.-е., соединялъ различныя по сюжетамъ былины въ одну, естественно, при этомъ измѣняя и ту и другую, и т. о. вырабатывалъ совершенно иное произведеніе, нежели каждая изъ нихъ; такъ поступилъ онъ съ былиной объ Ильѣ Муромцѣ и Калинѣ царѣ: Рыбникову онъ пропѣлъ эту былинку въ обычной ея редакціи, а, десять лѣтъ спустя, Гильфердингъ записалъ отъ него ее уже въ радикальной переработкѣ: въ ней рядомъ съ Ильей введенъ и Ермакъ, конечно, подъ вліяніемъ такихъ былинь, которыя сблизили оба эти образа (результатъ вліянія казачества и Смутаго времени) ¹, почему его „новая“ былина такъ и разрослась по объему: вмѣсто прежнихъ 289 стиховъ она дала уже 616. Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить, что отдѣльной пѣсни объ Ермакѣ или Ермакѣ и Ильѣ нѣтъ въ репертуарѣ Рябинина, нѣтъ въ другихъ его пѣсняхъ упоминанія объ Ермакѣ: видимо, онъ ее слышалъ отъ кого-либо другого (м. б., въ промежутокъ между 1860 и 1870 годами) и использовалъ для композиціи былины о Калинѣ.

Такимъ образомъ, въ лицѣ Т. Г. Рябинина мы имѣемъ передъ собой не только наивнаго пѣвца, представителя стариннаго репертуара XVIII вѣка, но и талантливаго художника, вносящаго въ свои пѣсни, помимо обычной и у другихъ пѣвцовъ доли творчества, отражавшейся преимущественно на формѣ былины въ видѣ свободнаго примѣненія общихъ типичныхъ мѣстъ, также и индивидуальныя черты своего творческаго таланта: онъ, оставаясь въ рамкахъ традиціи, продолжалъ развитіе полученнаго имъ запаса былевой пѣсни, руководясь своимъ поэтическимъ на-

¹ Такая контаминація извѣстна, между прочимъ, и В. П. Щеголенку (Гильф. № 121), но иная.

строеніемъ. Правда, новыхъ былинь онъ не созидаль, но вносилъ новое въ старую былинку.

По обширности своего былиннаго репертуара Т. Г. Рябининъ, если и не представлялъ исключенія, то во всякомъ случаѣ былъ пѣвцомъ выдающимся: число сюжетовъ, ему извѣстныхъ (отъ него записано ихъ, какъ мы видѣли, 26), превышаетъ обычное для сказителя, считающагося хорошимъ; такъ, изъ его современниковъ Щеголенокъ могъ дать 15 былинь, Калининъ 14, Чуковъ 19, изъ слѣдующаго поколѣнія—И. Т. Рябининъ 15, Кривопольнова 14 и т. д. Скончался Т. Г. Рябининъ въ 1885 году, достигнувъ т. о. глубокой старости.